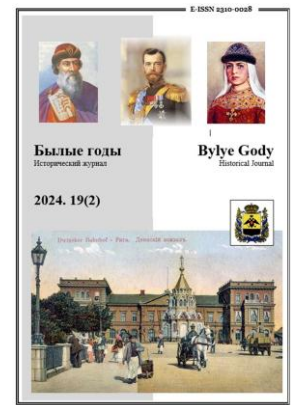

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(2): 640-651
 DOI: 10.13187/bg.2024.2.640

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Everyday Life of Invalid Companies and Military Invalids in the 19th century (Based on Materials from the Tomsk Province)

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,b,c}, Ella V. Savina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

The article examines the main characteristics of the everyday life of military invalids and members of invalid companies in the Tomsk Province in the 19th century. Based on a comprehensive methodology that includes the principles of historical-anthropological approach, history of everyday life, and microhistory, the authors analyzed the features of material support for military invalids, living environment, household arrangement, consumption specifics, development of personal and social connections and communication among members of invalid companies, as well as their types of employment. The research was based on previously unpublished archival materials from the State Archive of the Tomsk Region.

According to the authors, throughout the entire period of existence of invalid companies in the 19th century, the state and society accumulated significant experience in solving the social problems faced by military invalids. The issues of providing for the members of invalid companies were successfully resolved: assistance in food supply, housing solutions, providing suitable employment, monetary support including pensions, providing a place in a religious institution, and so on. At the same time, all these measures were half-hearted, often incomplete, and not entrenched as rights and guarantees for military invalids. The state initiated numerous forms of social support for incapacitated military personnel, but it lacked real mechanisms for public oversight of their implementation.

Keywords: military invalids, invalid companies, history of everyday life, Siberia, social assistance.

1. Введение

Одним из последствий участия государства в военных действиях в любую историческую эпоху является инвалидность солдат, призванных на службу. Возвращение в мирную жизнь всегда связано с длительным процессом адаптации, в который включаются и инвалид, и окружение, и общество, в котором он живет. Применительно к XIX в., когда вплоть до реформ Александра II существовала практика рекрутских наборов, после получения увечья в период прохождения регулярной службы, независимо от того, было оно получено в боевых условиях или нет, солдат оставался нести службу до истечения положенного срока и переводился в так называемую «инвалидную команду», которая дислоцировалась в отдельных губернских и уездных городах. Ее служащие становились частью городского общества и несли определенные повинности, с одной стороны, вписываясь в уже существовавшую будничную жизнь городского пространства, а с другой – создавая свою повседневность, наполненную разными действиями и смыслами. Изучение обеих «повседневностей» является актуальным направлением исследования, позволяющего оценить качество «реабилитации» военных инвалидов в XIX в. и определить, возможно ли использование исторического опыта

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), squirrel-o@yandex.ru (E.V. Savina)

социальной помощи нетрудоспособным в условиях инвалидной команды, находящейся в типичной городской среде, при решении современных задач. Цель исследования – на примере Томской губернии реконструировать и выявить особенности повседневности инвалидных команд и служивших в них инвалидов в XIX в.

2. Материалы и методы

Историческими источниками, на которые опирается исследование, стали ранее не публиковавшиеся и не вводимые в научный оборот материалы Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация), обнаруженные в фондах Томского губернского правительства (материалы о направлении членов инвалидной команды в богадельню); Томского губернского управления (дела об обеспечении нижних чинов инвалидной команды продовольствием, назначении пенсий и казенного содержания престарелым военным инвалидам); Томского городского магистрата (материалы о привлечении инвалидов к городским повинностям); Томского городского суда (дела об избииении горожанами членов инвалидной команды); Томского городского полицейского управления (личное дело бывшего члена инвалидной команды А. И. Иванова); Томской городской думы и Чертежной Томского губернского управления, представленные материалами об отводе помещений инвалидной команде; Томского духовного правления, где обнаружили списки членов Томской инвалидной команды.

Преобладающим подходом к изучению проблем общественной помощи инвалидам войны в исследуемый период является этатистский подход с его гипертрофированным вниманием к государству при том, что само оно не являлось ведущим субъектом помощи, отдавая благотворительность «на откуп обществу». В настоящей статье методология исследования представлена сочетанием трех подходов: 1) историко-антропологического (Dulmen, 1993; Орлов, 2012; Танатова, 2004), изучающего человека во всей его многомерности, включая тех, кто его окружает (семья, родственники, соседи, представители общественности, профессиональные группы и т.п.), и апеллирующего к эмоциональному восприятию прошлого через понимание опыта человека; 2) истории повседневности (Орлов, 2010; Розенберг, 2010; Бродель, 1977; Гудков, 1988), анализирующей человеческое существование в историческом измерении через изучение всех сфер, в которых человек себя реализует – от интимной жизни и организации обыденных экономических отношений до религиозных практик, включающих интерпретацию как объективной реальности, так и субъективное осмысление установок, ценностей человека, переживание им происходящих событий; 3) микроисторического подхода (Cherutti, 2004; Репина, Селунская, 2020), декларирующего анализ прошлого, основанный на изучении истории отдельных индивидов, и предполагающего реконструкцию индивидуальных моделей поведения отдельных людей, их социальных отношений и жизненных стратегий, когда микросюжеты помогают отвечать на «общие вопросы» крупных исторических процессов.

В основе исследования также лежит методика комплексного анализа истории повседневной жизни одного из авторов статьи А. С. Ковалева, которая призвана учитывать «структурные» аспекты повседневности и анализировать их отражение в поведении и сознании человека и социальной группы. Она включает в себя следующие элементы: материальное положение военных инвалидов; пространство их обитания и его обустройство; особенности бытовой повседневности инвалидной команды; практики потребления и снабжения продовольствием и обмундированием; специфика межличностных отношений и поведения членов инвалидных команд в микросоциальных группах; лично и социально значимые моменты в жизни инвалида, развитие его семейных отношений, проблемы семейной жизни, профессиональная и экономически активная деятельность нетрудоспособных солдат в инвалидных командах (Ковалев, 2024).

3. Обсуждение

Историографический обзор темы уже был представлен в статье авторов настоящей работы, опубликованной в «Былых годах», где рассматривался вопрос о расквартировании инвалидной команды в Красноярске в 1820-х гг. (Kovalev et al., 2023). В этом обзоре были выделены четыре группы научных работ: 1) публикации, изучающие историю внутренней стражи, обязанности которой несли в том числе члены инвалидных команд, и раскрывающие отдельные элементы повседневной жизни инвалидных рот (Колпаков, 2021; Харченко, 2015; Белоусов, 2022; Постников, Постникова, 2022; Ташпекова, 2019); 2) работы, анализирующие особенности процесса генезиса инвалидных команд и их организационное обустройство (Хаяров, 2020; Барина, 2015); 3) конкретно-исторические исследования деятельности инвалидных команд в XIX веке (Орехова, 2021; Игонькин, 2020), в которых были сделаны выводы о специфике «инвалидной службы» и ее слабой результативности; 4) работы, освещающие деятельность инвалидных команд в Енисейской, Иркутской и Тобольской губерниях (Кузнецов, 2003; Кузнецов, 2018).

К вышеизложенному следует добавить еще одну группу публикаций, раскрывающих особенности социальной помощи в исследуемый период. К ней относятся работы того же С.А. Игонькина (Игонькин, 2010), изучающего общие принципы государственной помощи отставным

инвалидам во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., а также П.П. Щербинина и Ю.В. Щербининой, рассматривающих особенности призрения «военных инвалидов» в XIX в. (Щербинин, 2005; Щербинин, 2007; Щербинина, Щербинин, 2011; Щербинина, 2012). В их работах анализируются особенности взаимоотношений власти, общества, социальной среды и инвалидов, исследуются семейные отношения, отдельные аспекты психологической адаптации военных ветеранов с инвалидностью, экономические связи, в которые были включены военные инвалиды. Авторы делают вывод, что значительная часть инвалидов и их семей не получали поддержки со стороны государства и общества, пополняя ряды нищенствующих.

По результатам анализа степени изученности научных публикаций был сделан вывод о том, что вопросы деятельности инвалидных команд широко представлены в отечественной историографии, но в большей части они касаются Центральной части Российской империи, при этом вопросы жизнедеятельности и повседневности военных инвалидов и членов инвалидных команд в сибирском регионе освещены недостаточно.

4. Результаты

Прежде всего следует охарактеризовать количественный, половозрастной состав членов инвалидной команды, семейный статус ее служащих. Так, в 1806 г. в Томской инвалидной команде (ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 114. Л. 172–173) служили 9 офицеров: майор (51 год) с женой (29 лет); поручик (75 лет) с женой (64 лет) и дочерью (23 года); поручик (74 лет) с женой (54 лет) и дочерью (14 лет); подпоручик (69 лет) с женой (56 лет) и дочерью (31 лет) и служанкой (43 года) с сыном (9 лет); 3 прапорщика (55, 75 и 85 лет) с женами (55, 58 и 59 лет соответственно), у одного из них были дети (18 и 21 год); унтер-офицер (47 лет) с женой (42 года) и тремя детьми (3, 10 и 12 лет); унтер-офицер (26 лет) с женой (25 лет).

Рядовой состав инвалидной команды составляли:

- холостые – 45 чел., из них: до 30 лет – 2 чел., от 31 до 40 лет – 7 чел.; от 41 до 50 лет – 12 чел.; от 51 до 60 лет – 15 чел.; от 61 до 70 лет – 4 чел.; от 71 до 80 лет – 3 чел.; старше 80 лет – 2 чел.;
- женатые, без детей – 11 чел., из них мужчины в возрасте от 45 до 50 лет – 3 чел.; от 51 до 60 лет – 3 чел.; от 61 до 70 лет – 4 чел., старше 70 лет – 1 чел.; женщины: до 30 лет – 2 чел.; от 31 до 40 лет – 1 чел.; от 41 до 50 лет – 6 чел., старше 50 лет – 2 чел.;
- семейные – 3 пары с двумя детьми (мужчинам 39, 40 и 55 лет, их женам – 32, 37 и 45 лет, детям 5 и 11, 6 и 8, 6 и 11 лет соответственно) и 4 пары с одним ребенком (мужчинам 37, 40, 48, 60 лет, их женам – 33, 40, 46 и 54 года, детям 3, 6, 7, 5 и 16 лет соответственно);
- вдовцы с детьми – мужчины 53 лет с дочерью 25 лет, 63 лет с дочерью 9 лет и 59 лет с двумя дочерьми 9 и 12 лет.

Таким образом, при Томской инвалидной команде постоянно находились 75 солдат и офицеров, в том числе 30 человек имели семьи, у 17 человек были дети, в том числе у 6 человек были два ребенка и еще у одного офицера – три. Кроме того, подпоручик имел возможность содержать служанку и ее сына. Офицерский состав был представлен в основном лицами в возрасте от 51 до 85 лет, а также более молодыми унтер-офицерами. Все состояли в браке и имели детей.

В рядовой состав входили большей частью холостые инвалиды, основную массу (60 %) составляли лица от 40 до 60 лет, немного меньше приходится на возрастную группу от 30 до 40 лет (15 %), в остальные возрастные группы входило по 2-4 чел. Около 17 % рядовых инвалидов состояли в браке, но не имели детей, причем большая часть из них, будучи в возрасте от 45 лет и старше, имела молодых жен, что при отсутствии детей может говорить о том, что они недавно вступили в брак. Семейные инвалиды и их супруги были лицами среднего возраста, воспитывавшими преимущественно маленьких детей. Наконец, трое мужчин в возрасте от 53 до 63 лет уже овдовели и также имели на попечении детей.

Все члены инвалидной команды были обеспечены «обмундированием». Список вещевого довольствия Томской инвалидной роты за 1805 г. сообщает, что одному человеку полагалось: сукно серое, кожаная шинель и холст для подклада; пальто с воротниками и обшлагами и «сукна всякого на них», «кафтаны и холст для кафтанов», «панталоны и подклад для оных»; холст рубашечный, полотно на летние панталоны с подкладом, сукно для галстуков, сапоги «с подошвами и колодками», портянки шерстяные и носки, а также «шапка бессрочно» (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2780. Л. 4).

Что касается медицинского обслуживания, то в Томске поблизости от батальонного лазарета инвалидной команде выделили квартиру «под лазарет... в годичное пользование с выдачею дров мещанином». Также Томская Городская дума решила принимать больных военных инвалидов в городском госпитале «при наличии покоев, где излечиться могут» (ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 330. Л. 1).

В целях обеспечения (точнее – самообеспечения) членов инвалидных команд продовольствием с 1834 г. им стали выдавать землю под огороды и сенные покосы. В 1833 г. военный министр представил императору заключение Томского губернатора относительно отвода огородов нижним инвалидным чинам, квартирующим в уездных городах Сибири. В. И. Де Сент-Лоран, исполнявший должность начальника Омской области и работавший над текстом заключения, включил в него положение о том, чтобы «в пособие нижним чинам, имеющим собственные дома, для заведения

огородов и в общее хозяйство отвести на городских выгонах или других ближних местах удобные покосы 50-100 десятин для каждой инвалидной команды, и раз женатые солдаты, имеющие собственные дома, освобождают жителей от постоя и ничего от города не требуют, то справедливость требует освободить их от платежа в городской доход поземельного сбора и других городских повинностей по уважению к тому, что они не могут участвовать в тех промыслах, будучи всегда на службе, которые предоставлены мещанам и вообще торговому сословию» (ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 49. Л. 1-5-об.). Огороды предоставлялись за счет земель, предназначенных под городские кварталы, но никем не занятых, а сенные покосы – за счет свободных земель прилегающих деревень к городскому выгону. С 1839 г. вопрос о наделении инвалидов землей находился в ведении главного местного землемера. Алтайское же горное правление командировало для отвода инвалидным командам в городах Колывани, Кузнецке, Бийске и Барнауле «удобных земель под огороды» представителей Барнаульской чертежной конторы (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 263. Л. 1-10б.).

Помимо самообеспечения военных инвалидов за счет собственного города и посева, также с 17 июля 1839 г. нижним чином инвалидных команд выделялись на общем основании мясные порции за счет местного сбора (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 263. Л. 1-10б.). Все началось с того, что генерал-губернатор Западной Сибири предписал наделять инвалидные команды огородами, однако император повелел для улучшения продовольственного обеспечения нижних чинов инвалидных команд в Западной и Восточной Сибири не только отводить им огороды, но и «производить... мясные порции на счет местного земского сбора». Командующий линейным Сибирским батальоном, к которому относилась Томская инвалидная команда, предоставил ведомости о состоящих в инвалидной команде нижних чинах и указал потребность в мясной порции, которая составила 1 пуд 38 фунтов в год (ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 58. Л. 1-3, 4-5, 17об.).

Жилищные условия военных инвалидов предусматривали разные варианты. Чаще всего члены инвалидной команды жили в специально отведенных казарменных помещениях. Также они могли проживать у родственников, если таковые находились на территории, где располагался гарнизон. Так, согласно Указу императора и распоряжению Томского губернского правительства от 16 июня 1820 г., был проведен учет членов местной инвалидной команды с целью выяснить, кто из инвалидов может проживать у своих родственников. Земским судам надлежало отобрать «на гербовой бумаге» подписки у родственников в том, «желают ли последние отпущенных к ним на жительство инвалидов пропитывать и содержать собственным своим коштом без всякого казенного содержания». В случае их письменного согласия инвалиды, «засвидетельствованные в присутственном месте», могли остаться в месте проживания (и даже остаться в том случае, если инвалидную команду переводили в другое место). В случае несогласия инвалидов отправляли для проживания в казармах инвалидной команды (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1201. Л. 1, 6).

Как уже указывали А. С. Ковалев с соавторами, «военнослужащих инвалидной команды могли устраивать на содержание и постой на срок до 6 месяцев: нижние чины селились в квартирах мещан, начальник инвалидной команды – на квартире у представителей купеческого сословия, причем начальника размещали на постой вместе с имеющейся при нем канцелярией, то есть он занимал 2-3 комнаты» (Kovalev et al., 2023: 151-152).

Согласно циркулярному предписанию управляющего Министерством внутренних дел от 23 июня 1824 г., состоявшие в штате отдельного корпуса внутренней стражи офицеры, прикомандированные к служащим инвалидным командам, не получали обывательских квартир для постоя из-за недостатка средств. Вследствие этого некоторые из них изъявили желание обзавестись собственными домами в тех уездах, где находилась инвалидная команда, а некоторые проживали при заведениях, принадлежащих частным лицам, и не хотели возвращаться в казармы. Александр I, ознакомившись с вопросом, дозволил «иметь жительство в уездах тех городов, где находятся служащие инвалидной команды, к коим они прикомандированы» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3. Л. 2).

Кроме того, военные инвалиды имели право на приобретение собственного жилья. К примеру, в 1846 г. служащие Киреевской заводской инвалидной команды – два унтер-офицера и двое рядовых, имевших жен, – просили выделить им из казны по 50 руб. ассигнациями каждому для постройки деревянных домов на отведенной начальством инвалидной команды местах. На основании ст. 1633 статьи V тома «Свода военных постановлений» и предписания Томского гражданского губернатора от 5 июня 1844 г. под расписку батальонного казначея им должны были выдать по 50 руб., однако на руки каждому получилось 14 руб. 28 коп. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 1-10б, 15).

Формулярные списки кандидатов на получение средств для постройки деревянных домов являются отличным источником для изучения сведений о самих военных инвалидах. Так, из материалов Киреевской заводской инвалидной команды за 1846 г. известно, что просителями были:

1) Унтер-офицер А. Д. Мелкозеров, 37 лет, православный, неграмотный. Служил с 1831 г., в инвалидную команду перешел в 1835 г., в 1840 г. стал унтер-офицером, в боях не бывал, но имел одну серебряную нашивку на левом рукаве за беспорочную службу, добровольно остался на службе. В отпуске за всю свою военную карьеру был 6 месяцев, под судом не бывал, штрафов не платил, был женат на вдове, воспитывал дочь (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 3об., 8).

2) Унтер-офицер И. А. Юферов, 36 лет, православный, неграмотный, служил с 1827 г., унтер-офицером стал в 1833 г., в инвалидной команде – с 1840 г., в боях не бывал, имел две нашивки на рукавах мундира, в отпуске был 6 месяцев, «в штрафах и под судом не был», женат, имел трех детей (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 40б., 7).

3) Рядовой А. К. Ануфриев, 34 года, православный, грамотный, женат, детей нет. Служил с 1840 г., через 4 года был направлен в инвалидную команду, в боях не бывал, в отпуске находился 6 месяцев, в штрафах и под судом не был (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 20б., 9).

4) Рядовой М. В. Ядрышников, 45 лет, православный, неграмотный, служил с 1830 г., в инвалидной команде – с 1845 г., в боях не был, имел две нашивки, в отпуске не бывал, под судом не состоял, женат, детей нет (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394. Л. 50б.–6).

Впрочем, и в сфере обеспечения собственным жильем инвалиды военных команд были бесправными. Вот показательный случай. В 1840-х гг. в Томской губернии в течение семи лет разбиралось дело о приобретении жилья рядовым Томской инвалидной команды Кошкарова (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100)¹. В 1833 г. он купил за 66 рублей у омского мещанина Бориса Тугоякова половину дома с землей и огородом, которые тому оставил в наследство отец. Инвалид прожил в этой части дома 7 лет, пользовался огородом, «имел на квартирании в доме том... разных людей, на постой приезжающих, с разными съестными припасами из разных мест крестьян и ясашных, получая с них за пристанище деньги и употребляя их в свою пользу» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100). Он заводил новые пристройки, улучшал внешний вид дома, за свой счет облагораживал улицу: «К разрушенному двору пристроил новый, заплатил дважды плотнику, улицу высаривал и возвышал на собственный капитал» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100).

Однако в 1840 г. объявилась племянница Маремьяна, которая предъявила свои права на дом, объявив, что сделка была совершена неправильно, поскольку дядя не имел права продавать дом, который ее покойный отец оставил ей и матери. Тугояков объяснил, что имел право на продажу дома, поскольку его брат Лаврентий и жена его Елена «имели участие в доме, но написали отпорное письмо» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100). По его словам, жена умершего брата Лаврентия была не в состоянии поддерживать дом и работать городскую повинность. Он же «видел, как Кошкаров уже 13 лет на тот момент скитался, и, видя его неустройство, решил продать ему дом» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100). Племянница в ответ на это предоставила завещание деда, из которого следовало, что тот в свое время оставил дом ее отцу.

В ходе разбирательства инвалид Кошкаров «усмотрел подчистки в документах» и потребовал оставить все, как есть. Была назначена очная ставка со свидетелями. Один из них, мещанин С.А. Попадейников, сообщил, что видел, как Тугояков-дед в Томском гражданском и уголовном суде оставил дом на имя отца Бориса, а если и была «подчистка», то со стороны его брата Лаврентия. Шесть других свидетелей это подтвердили, указав, что ничего не знают ни о каких «поправках». Нашелся всего один свидетель – А. Сеченов, который утверждал, что «подчистка была», но в пользу Бориса. Этого оказалось достаточно, чтобы продолжить разбирательство до 1847 г. В результате следствия оказалось, что никаких доказательств Борис Тугояков предоставить не может, а запись действительно была исправлена им же самим. Томский городской суд постановил, что Борис, «пользуясь неопытностью» вдовы брата и его малолетних дочерей, «всех их обманул... чем заставил спрашивать себе дневное пропитание» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100).

Инвалида Кошкарова суд постановил «из дома выслать вон, предоставить ему право заплаченные им Тугоякову деньги взыскать с него, а дом передать настоящим владельницам» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1100). Кошкаров потребовал с Тугоякова возмещения убытков на сумму 315 руб., ему дали право на апелляцию, но и губернский суд оставил приговор в силе. В пользу Кошкарова присудили вернуть еще 55 руб. 32 коп. и право взыскать их с Тугоякова, а 193 руб. 68 коп. были признаны несправедливо оспариваемыми. Свидетелей «хотя бы и следовало предать уголовному суду за лживое под присягой показание», но оставили от суда и следствия свободными. Тугояков же уплатил только штраф в пользу суда, но, поскольку он был признан банкротом, по причине несостоятельности возместить требуемую инвалидом по суду сумму не смог.

Таким образом, единственным по-настоящему пострадавшим в этой истории оказался инвалид Кошкаров, который все свои сбережения потратил на то, чтобы приобрести собственный дом, в течение семи лет превращал его в уютное жилище, затем еще семь лет наблюдал за тем, в чью пользу разрешится спор о наследстве, чтобы в конечном счете снова оказаться на улице без жилья и денег.

К сожалению, еще одной печальной частью повседневной жизни членов инвалидной команды нередко было насилие со стороны горожан. Так, в 1803 г. в Томске рассматривалось дело по обвинению мещанина Г. Копейщикова в избиении рядового городской инвалидной команды Т. Карпова. Из прошения инвалида следует, что он шел на квартиру к своему майору, а навстречу ему вышел Копейщиков, который «сбил с ног, давил за горло и пинал ногами и сдавил коленями грудь», и что его спасли только проходившие мимо унтер-офицер и рядовой той же команды. Однако Копейщиков дал показания, что инвалида он не бил и что это тот «производил ругательства стоящим

¹ Здесь и далее использованы все листы дела.

против дома его Копейщикова» (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2250. Л. 1). За обвиняемого поручились мещане, и дело, как говорят сегодня, за отсутствием состава преступления было закрыто.

В другой раз, согласно материалам Кольванского полицейского управления (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 896), рядовой С. И. Кобелев, 50 лет, находился в карауле при денежной кладовой окружного казначейства. Мимо него шел человек, которого он окликнул, но ответа не получил, тогда сторож окликнул во второй раз, но тот снова не отозвался. Инвалид подошел ближе и получил удар, от которого он упал, а имевшееся у него ружье выпало из рук. Он вспоминал, что приблизившийся «...начал меня топтать ногами. Я начал кричать... услышал стоящий на часах рядовой... дал знать стоящему в карауле на гауптвахте вице-унтер-офицеру Некрасову, который... сам пошел на крик мой. А неизвестный человек, видя идущих к нам людей, бросил меня и сбежал в питейный дом и заперся в оном» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 896. Л. 9-90б). Служащие инвалидной команды вместе с офицером ждали до утра, когда двери питейного дома открылись и подозреваемый покинул заведение. Им оказался местный мещанин Ф. Логинов. Но и в этом случае за подозреваемого вступилось общество, мещанский суд дело рассматривать отказался и передал его в городской суд, где мещанина Логинова, «как не признавшегося в обстоятельствах дела и в том не обличившегося» признали невиновным, а дело об избиении переформулировали в дело о «якобы битии» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 896. Л. 15).

В 1830-х гг. в Томске рассматривалось дело по обвинению сразу двух поселенцев в нанесении побоев рядовому инвалидной команды и его жене. Суть дела была такова. Военный инвалид А.Ф. Широковский с супругой явились домой на постой к мещанской жене Кирсановой, у которой жили в подвале. Через какое-то время она спустилась к ним, чтобы взять деньги за проживание. Когда инвалид отказался платить, она позвала своего зятя Карпенко, и они вместе избили инвалида и его супругу. В ходе следствия Кирсанова и Карпенко свою вину отрицали, заявив, что сам инвалид был пьян и нецензурно ругался, а потом решил донести в полицию, будто его избили (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 837. Л. 3-15). Кто на самом деле был прав в этой ситуации, неизвестно, однако следствие показало, что закон был на стороне мещан и никак не защищал инвалидов, версия которых была подвергнута сомнению с самого начала.

Интересно следственное дело, произведенное Томским полицейским управлением над томским мещанином А. Бердиным «о неизвестно куда отлучившемся» стоявшем у него на постое рядовом Томской инвалидной команды Якове Меркулове. Инвалид Меркулов находился в карауле у винных магазинов, после чего явился на квартиру, ушел из нее на базар, по возвращении отобедал с женой Анной и, отдохнувши, ушел обратно в караул, откуда не вернулся домой. Городская полиция через частных приставов и поручика, под началом которого состоял Меркулов, инвалида не нашла.

Следствие велось с 1824 по 1829 гг. Первым предположением было то, что Меркулов напился в винных магазинах на заимке, куда был командирован, после чего сбежал, но при проверке оказалось, что на службе его не было. В ходе дальнейшего расследования жена Меркулова показала, что он взял у нее 60 руб. и ушел в караул. Но оказалось, что ни в какой караул он не приходил – поручик инвалидной роты сообщил, что караула и не могло быть – пропавший ни на какой наряд командирован не был, при этом добавил: «Тот рядовой поведения хорошего, невозможно предположить, чтобы он учинил побег. Не покусился ли кто на жизнь его?».

Подозрение пало на жену инвалида и мещанина Бердина. Другие постояльцы, на квартирах которых прежде жил Меркулов с женой, показали, что «не только ссор каких, но и даже и противного слова друг другу не чинили», о каких-либо ссорах они не слышали. Однако супруга Меркулова и хозяин квартиры в покушении на жизнь инвалида не сознались, поэтому было принято решение: «Обвиняемые в том не доказаны, а потому оных... оставить свободными и потерю солдата Меркулова до открытия предать воле Божьей» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 138. Л. 47-56).

При всей детективности вышеизложенного сюжета следует отметить, что этот документ дает довольно много сведений о повседневной жизни военного инвалида в первой половине XIX века. Во-первых, он еще раз подтверждает, что рядовому члену инвалидной команды вовсе не нужно было жить в казарме, он мог быть размещен на условиях постоянной повинности у одного из горожан. Во-вторых, военный инвалид мог быть женат. В-третьих, он нес службу в качестве сторожа при винных магазинах, что было довольно частым явлением в те годы. Кроме того, он был заподозрен в том, что нес службу спустя рукава и напился, после чего якобы исчез. Подобные случаи часто имели место в описываемый период, поскольку предположения следователей основывались на убеждениях горожан, которые спешили ими поделиться с приставами. Впрочем, этот вариант оставляет открытым вопрос о том, мог ли член инвалидной команды дезертировать из нее со всеми вытекающими отсюда последствиями, тем более в пользу инвалида говорил его непосредственный начальник: «...поведения хорошего, невозможно предположить, чтобы он учинил побег».

Также дискуссионным можно считать обвинение супруги инвалида и его квартирного хозяина. Понятно, что следственные органы испокон веков считают главным виновником в случае пропажи одного из супругов его «вторую половину». Однако именно вслед за оправданием жены инвалида за недоказанностью ее участия в деле наступает поворотный момент, и объявляется о прекращении розысков и следствия. По правовой традиции того времени при недоказанности вины единственным

аргументом против супруги инвалида и домовладельца могло быть только их чистосердечное признание, но поскольку оно не последовало, оба были оправданы, а судьба инвалида перестала интересовать общество.

От бесправия не были защищены даже высшие чины инвалидной команды. Так, в 1836 г. капитан Томской инвалидной команды Толмачев обратился в полицейскую управу с заявлением, что он отдал под присмотр табунщику мещанину Г. Быстрову лошадь стоимостью 100 руб. для пастьбы, а тот эту лошадь потерял. Он обещал ее найти, но прошло полтора года, а Быстров по-прежнему кормил капитана «завтраками». Капитан посчитал, что Быстров не может отыскать лошадь по той причине, что на самом деле продал ее, и потребовал взыскать с табунщика за лошадь 100 руб. Быстров, который в свои 70 лет сам не сильно отличался от инвалида, отвечал на предварительном дознании, что он не причастен к тому, что лошадь пропала, и что он ее безрезультатно ищет, а «сам той лошади не воровал, никому не передавал, почему и платить взыскиваемых... денег не обязываюсь» (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1055. Л. 5–7). Прошло два года, и по этому делу состоялось заседание Томского городского суда с присутствием депутата от воинской стороны. Суд определил, что «поскольку Быстров признания не учинил, а Толмачев никаких доказательств не предоставил», дело решить в пользу Быстрова, а за офицером инвалидной команды оставили право требовать возвращения лошади гражданским порядком (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1055. Л. 26).

Очень хорошо о правах члена инвалидной команды (а заодно – о его повседневной жизни) могут рассказать материалы дела о краже у Лазаря Аронова в г. Томске в 1856 г. (ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1673. Л. 1-161). Этот Аронов был рядовым местной инвалидной команды, однако не служил, а занимался в городе часовым мастерством. Он удачно выдал дочь замуж за цирюльника, вместе с семьей которого поселился на частной купеческой квартире. В услужении у них находился еще один отставной солдат-инвалид П. Ушаков, также у Аронова было несколько подмастерьев.

Однажды один из посетителей украл «купеческие золотые часы с цепочкой 35 рублей серебром», которые находились в ремонте у Аронова. Поскольку часовщик был обязан возместить потерю своему клиенту, он заставил своего зятя, слугу-инвалида Ушакова и подмастерьев вести собственное расследование. Помощники Аронова отыскивали всех, кто в тот день приходил к старому инвалиду, несколько человек были доставлены в полицию, где один из них был опознан как бывший преступник Мартынов, уже судимый за кражу и сосланный в Сибирь.

Дело рассматривалось три года, однако закончилось безрезультатно. Городовой суд в мае 1859 г. постановил Мартынова «оставить в сильном подозрении», а Аронову отказать, предоставив ему право «искать более явные доказательства» и из своего кошелька оплатить клиенту стоимость украденных часов. Так в очередной раз были ущемлены права инвалида.

Несмотря на описанные случаи бесправия военных инвалидов, может сложиться впечатление, что в остальном их повседневность была вполне сносной – они были обеспечены одеждой, питанием, жильем (пусть даже ко всему этому усилия прикладывали сами инвалиды). Но о том, как на самом деле служилось в инвалидной команде, может рассказать биография одного из ее рядовых.

В сентябре 1868 г. в г. Томске казаками полкового округа был «пойман бродяга, который назвался рядовым внутреннего гарнизонного батальона Антоном Ивановым». У него отобрали показания и до выяснения всех обстоятельств оставили под стражей. Полученные сведения позволили выяснить, что Иванов был беглым членом инвалидной команды. Полицейский доклад о нем, его собственные показания и представленный формулярный список позволяют проследить его жизненный путь.

А. Иванову в 1868 г. было 40 лет. О себе он говорил: «Веры православной, грамоты не знаю». Хотя позже выяснилось, что «российской грамотою читать и писать умеет, портняжное мастерство знает». Был сыном умершего рядового инвалидной роты, «в службу вступил из военных кантонистов» в 1842 г. и числился рядовым Рижского внутреннего гарнизонного батальона. В походах и боях не был, но получил инвалидность на службе, поэтому был причислен к инвалидной команде. В возрасте 21 года был осужден за отлучку из казармы, за что был «наказан чрез 500 человек, и в 1855 г. тоже за побег был сужден и наказан шпицрутенами чрез 100 человек два раза». Он сменил девять инвалидных команд, два раза бежал, снова и снова наказывался за побег, и в 1859 г. был назначен к отправке на Амур в очередную инвалидную команду, но уже «в числе порочных нижних чинов», в 1860 г. бежал с пути следования в Казани и восемь лет «шатался по разным местам» (ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2, 20–21).

Пока шло расследование, инвалид Иванов содержался в Томском тюремном замке. Когда дело прояснилось, ему присудили «наказание плетью до 80 ударов», но тюремный врач определил, что Иванов «по медицинскому свидетельству перенести наказание не сможет». Было решено «наказать его публично розгами пятью ударами и обратить в каторжную работу в течение 10 лет» (ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 36. Л. 46–47об). Несмотря на то что инвалидные команды уже четыре года как перестали существовать, наказание за побег все же последовало.

Конечно, можно предположить, что инвалид Иванов просто страдал дромоманией, но в этом случае он был бы одержим психическим заболеванием, вероятно, вследствие физической и душевной травм в результате потери здоровья в период службы в армии и инвалидной команде. Можно

предположить, что его дезертирство каждый раз было реакцией на любые, самые незначительные, неблагоприятные ситуации во время его службы. Также возможно, что его побеги носили импульсивный характер и не имели мотивов, но это тоже свидетельствует о серьезном психическом заболевании, однако никто не собирался лечить инвалида ни от телесных, ни от душевных травм.

О его дальнейшей судьбе ничего неизвестно, да и после отбытия наказания вряд ли он снова был бы возвращен на службу в силу того, что инвалидные команды с 1864 г. перестали существовать. Но вот если бы эта история случилась на несколько лет раньше, то через 10 лет инвалида снова перевели бы на службу в инвалидную команду, которую он продолжал бы нести вплоть до старости.

Впрочем, по достижении престарелого возраста члены инвалидной команды могли быть направлены из нее в богадельню (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 477. Л. 1-106). Так, в 1800-х гг. при Томской богадельне жили бывшие отставные солдаты-инвалиды – всего 10 человек, из них 6 унтер-офицеров в возрасте 69, 74, 75, 79, 85 и 100 лет, один с женой 66 лет, еще один солдатский сын, инвалид-сирота 23 лет, который жил вместе с 72-летней матерью. Вместе с ними проживали гражданские поселенцы – 11 человек, из них 8 мужчин (один с женой), 3 женщины (две из них – вдовы). Возраст мужчин составлял 54, 55, 69, 71, 76, 77, 76, 91 год, женщин – 52, 74, 96 лет. В другой богадельне проживало 6 женщин, все вдовы, в возрасте от 60 до 70 лет (ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 114. Л. 39–39об., 109–109об.).

В случае перевода в богадельню производилось особое освидетельствование и определение на казенное содержание. Процедура была следующей. Например, в 1837 г. к командующему Сибирским линейным батальоном в г. Томске явился отставной барабанщик Ф. Кузнецов с выданным ему паспортом и попросил «по преклонным летам его и болезненному состоянию определить к Томской инвалидной команде на казенное содержание». Командующий обратился в Томское губернское правление с просьбой «упомянутому барабанщику в присутствии своем со мною и медицинскими чиновниками учинить свидетельство» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 256. Л. 1–106.). Правление постановило «Кузнецова освидетельствовать через члена Томской врачебной управы и военного медика» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 256. Л. 2–206.). В «комиссию» вошли сам командующий Сибирским линейным батальоном, инспектор врачебной управы и штабс-лекарь. По результатам осмотра было выдано свидетельство, в котором сообщалось, что отставной барабанщик Кузнецов 50 лет, «слабого телосложения от природы», вследствие раны, нанесенной ему в 1813 г. в сражении под Лейпцигом пулей в левую ногу, ниже колена, чувствует непрерывную боль в ноге, препятствующую ему заниматься работами. На основании указа от 28 октября 1829 г. Кузнецов был помещен «на инвалидное содержание без понесения службы» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 256. Л. 4–6).

То есть в этом случае отставной солдат сразу был переведен из действующей армии в инвалидную команду, но только с тем, чтобы фактически получать «пенсионное содержание». А вот другая ситуация, когда за освидетельствованием обращается человек, который ранее нес службу в рядах инвалидной команды. Командир Кузнецкой инвалидной команды доставил командиру Сибирского линейного батальона отставного унтер-офицера М. Крюкова, просившегося «по болезненному состоянию на казенное довольствие» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 216. Л. 1). После того как было проведено медицинское освидетельствование, которое показало, что Крюков «от роду имеет 54 года, правую рукою и ногами худо владеет вследствие старости и дряхлости, при том страдает тугостью зрения» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 216. Л. 4), его также направили на инвалидное содержание без несения службы.

В 1835 г. отставной военнослужащий Я. А. Корчуганов прошел освидетельствование для зачисления в Кузнецкую инвалидную команду и назначения пенсии. Выяснилось, что ему 63 года, «одержим тупостью зрения и вообще слаб и дряхл здоровьем от старости». Как и прочих, его зачислили на содержание без несения инвалидной службы (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 213. Л. 2).

Инвалиды из числа рядового состава также могли получать пенсию. Для этого они должны были получить специальный билет, который предъявляли в Казначейство. Инвалиды должны были предоставить формулярный список или паспорт, выданный при увольнении от службы, с указанием возраста, подробным описанием примет (рост, лицо, глаза и волосы), а также свидетельство медицинского начальства совместно с военным или гражданским об актуальном влиянии на здоровье ран, полученных в сражениях, и удостоверение о поведении, выданное местным обществом, к которому был приписан инвалид (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 203. Л. 206.–506.).

Из материалов Комитета о выдачи пенсий военным инвалидам за 1835 г. следует, что среди таковых выделялись две равнозначные, но все же разные категории: «нижние чины, находящиеся в инвалидных командах», а также «отставные за ранами». В Томской губернии в 1835 г. пенсию получали 16 человек, из них 7 рядовых, пенсия составляла от 70 до 80 руб., 7 унтер-офицеров с пенсией 80, 100, 120, 135 и 150 руб., 1 бомбардир (пенсия 70 руб.), 1 фейерверкер (пенсия 75 руб.) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 203. Л. 206.–506.).

5. Заключение

Антропологическое и микроисторическое изучение повседневности военных инвалидов и инвалидных команд позволило сделать значимые для «большой» социальной истории XIX в. выводы. Военные инвалиды были неотъемлемой частью общества, и поэтому вопросы их адаптации и

сосуществования с городским населением находились в центре внимания как государственной, так и местной власти, которая, впрочем, выполняла в большей степени организаторские функции, выступая с инициативой социальной помощи, но перекладывая различные варианты ее осуществления на общество.

Сибирский регион в этом отношении ничем не отличался от других территорий империи. Можно частично согласиться с П. П. и Ю. В. Щербиниными, что государство и общество поддержки военным инвалидам не оказывали – скорее всего, поддержка существовала, и она была представлена самыми разными видами и направлениями, но она не была системной и не контролировалась государством, призванным позаботиться о своих подданных.

С одной стороны, военным инвалидам были предоставлены широкие возможности для полноценного существования: они могли продолжать службу в армии и находиться на попечении государства, имели право заводить семью, воспитывать детей. Члены инвалидных команд получали вещевое довольствие, услуги медицинского характера, им выдавалась земля под огороды и санные посылки для продовольственного самообеспечения, дополнительно к этому выдавались мясные порции, предоставлялась жилая площадь и помощь в строительстве собственного жилья. Наконец, при наступлении старости им выдавали пенсию или устраивали в богадельню с содержанием за счет средств армии.

С другой стороны – общество не хотело в полной мере участвовать в реализации мер социальной помощи, занимая позицию неприятия и социального исключения, что проявлялось в насилии, в несоблюдении прав, в приоритетной защите интересов неинвалидов. При этом государственные институты никак не защищали инвалидов и не отслеживали степень реализованности своих инициатив. Перефразируя И. Гете, государство занимало в отношении нуждающихся позицию своеобразного «Мефистофеля наоборот»: оно вечно желало населению блага, но оно нередко оборачивалось для последнего «злом».

Литература

Барина, 2015 – Барина Г.В. Должны служить пожизненным и тихим для раненых воинов пристанищем // *Военно-исторический журнал*. 2015. № 9. С. 55-60.

Белоусов, 2022 – Белоусов С.В. Формирование Пензенского внутреннего губернского батальона // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2022. № 3(63). С. 83-98.

Бродель, 1977 – Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 115-142.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Гудков, 1988 – Гудков Л.Д. «Культура повседневности» в новейших социологических теориях. М., 1988. 31 с.

Игонькин, 2010 – Игонькин С.А. Государственная помощь отставным военным-инвалидам в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. (на примере Арзамасского и Ардатовского уездов / *Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе*. Арзамас, 2010. С. 62-66.

Игонькин, 2020 – Игонькин С.А. Арзамасская инвалидная команда в первой трети XIX века / *Вопросы исторического и экологического регионоведения*. Арзамас, 2020. С. 65-68.

Ковалев, 2024 – Ковалев А.С. Методика комплексного анализа истории повседневной жизни населения // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2024. № 1. С. 255-270.

Колпаков, 2021 – Колпаков П.А. Внутренняя стража Российской империи: причины создания и развитие полицейских войск в структуре военного ведомства 1811–1864 гг. // *Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии*. Уфа, 2021. С. 156-159.

Кузнецов, 2003 – Кузнецов Н.А. Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII-XIX вв. // *Кузнецкая старина*. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 108-139.

Кузнецов, 2018 – Кузнецов М.Ю. Внутренняя стража в Восточной Сибири в 1816-1864 годах // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2018. № 4 (34). С. 156-162.

Орехова, 2021 – Орехова Е.А. Состав Кольской инвалидной команды накануне и в период Крымской войны (по материалам духовных росписей Кольского Воскресенского собора 1850-1854 годов) / *Россия в войнах: слава российского оружия в памяти поколений*. Стерлитамак, 2021. С. 178-185.

Орлов, 2010 – Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010. 316 с.

Орлов, 2012 – Орлов И.Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания М.: ВШЭ, 2012. 191 с.

Постников, Постникова, 2022 – Постников С.В., Постникова О.А. «Никто больше признания не заслуживает, как болящей солдат». Социальное обеспечение ветеранов в Российской армии до 1917 года // *Военно-исторический журнал*. 2022. № 8. С. 100-119.

- Репина, Селунская, 2020 – Репина Л.П., Селунская Н.А. «Общие вопросы» и «частные ответы»: непрочитанные страницы Джованни Леви // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 73. С. 323-342.
- Розенберг, 2010 – Розенберг Н.В. Структурирование культуры повседневности: методологические подходы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2010. № 2 (14). С. 50-57.
- Танатова, 2004 – Танатова Д.К. Антропологический подход в социологии М.: Дашков и К°, 2004. 264 с.
- Ташпекова, 2019 – Ташпекова А.Т. Из истории Саратовской инвалидной команды // Первый командир Отдельного корпуса внутренней стражи России – генерал от инфантерии Е.Ф. Комаровский (к 250-летию со дня рождения Е.Ф. Комаровского): сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. С. 67-71.
- Харченко, 2015 – Харченко О.В. О роли военного министерства в создании внутренней стражи как органа охраны правопорядка в России в начале XIX века // *Мир юридической науки*. 2015. № 1-2. С. 9-14.
- Хаяров, 2020 – Хаяров Д.Г. Инвалиды в Российской империи в XVIII веке – военно-исторический аспект // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2020. № 5. С. 104-111.
- Щербинин, 2005 – Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX в. // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 222-233.
- Щербинин, 2007 – Щербинин П.П. Особенности социальной защиты ветеранов военной службы в Российской империи в XVIII – начале XX в. // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2007. № 6-7. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/973> (дата обращения: 31.03.2024).
- Щербинина, 2012 – Щербинина Ю.В. Социальные практики и призрение военных инвалидов в российской империи в XIX в. // *Социально-экономические явления и процессы*. 2012. № 7-8 (41-42). С. 200-204.
- Щербинина, Щербинин, 2011 – Щербинина Ю.В., Щербинин П.П. Социально-экономические последствия интеграции военных инвалидов в гражданское общество в XIX в. // *Социально-экономические явления и процессы*. 2011. № 9 (31). С. 186-189.
- Cherutti, 2004 – Cherutti S. Microhistory: Social Relations versus Cultural Models? / Between Sociology and History. Essays on Microhistory, Collective Action, and Nation-Building / Ed. by A.-M. Castrén, M. Lonkila, M. Peltonen. Helsinki, 2004. Pp. 17-40.
- Dulmen, 1993 – Dulmen van R. Historische Anthropologie in der deutschen Sozialgeschichtsschreibung // *THESIS*. 1993. №3. Pp. 208-226.
- Kovalev et al., 2023 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. Quartering of the Disabled Team in Krasnoyarsk in the 1820s: Microhistorical Analysis // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 149-158.

References

- Barinova, 2015 – Barinova, G.V. (2015). Dolzhny sluzhit' pozhiznennym i tihim dlja ranenyyh voynov pristanishhem [Should serve as a lifelong and quiet haven for wounded soldiers]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 9: 55-60. [in Russian]
- Belousov, 2022 – Belousov, S.V. (2022). Formirovanie Penzenskogo vnutrennego gubernskogo batal'ona [Formation of the Penza Inner provincial battalion]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 3(63): 83-98. [in Russian]
- Braudel, 1977 – Braudel, F. (1977). Istorija i obshhestvennye nauki. Istoricheskaja dlitel'nost' [History and social sciences. Historical duration]. *Filosofija i metodologija istorii*. Moscow. Pp. 115-142. [in Russian]
- ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].
- Gudkov, 1988 – Gudkov, L.D. (1988). «Kul'tura povsednevnosti» v novejsih sociologicheskikh teorijah [“Culture of everyday life” in the latest sociological theories]. Moscow. 31 p. [in Russian]
- Igonkin, 2010 – Igonkin, S.A. (2010). Gosudarstvennaja pomoshh' otstavnym voennym-invalidam v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX vv. (na primere Arzamasskogo i Ardatovskogo uezdov [State assistance to retired military invalids in the Russian Empire in the second half of the XVIII – first half of the XIX centuries (on the example of Arzamas and Ardatov counties)]. *Voprosy arhivovedenija i istochnikovedenija v vysshej shkole*. Arzamas. Pp. 62-66. [in Russian]
- Igonkin, 2020 – Igonkin, S.A. (2020). Arzamasskaja invalidnaja komanda v pervoj treti XIX veka [Arzamas disabled team in the first third of the XIX century]. *Voprosy istoricheskogo i jekologicheskogo regionovedenija*. Arzamas, pp. 65-68. [in Russian]
- Kolpakov, 2021 – Kolpakov, P.A. (2021). Vnutrennjaja strazha Rossijskoj imperii: prichiny sozdanija i razvitie policejskikh vojsk v strukture voennogo vedomstva 1811–1864 gg. [The Internal Guard of the Russian Empire: the reasons for the creation and development of police troops in the structure of the military

leadership of 1811-1864]. *Gosudarstvennyj apparat upravlenija v imperii Romano-vyh: jeffektivnost' dejatel'nosti vlastnyh struktur i bjurokratii*. Ufa, pp. 156-159. [in Russian]

Kovalev et al., 2023 – Kovalev, A.S., Novosel'tsev, N.R., Rakhinsky, D.V., Ravochkin, N.N. (2023). Quartering of the Disabled Team in Krasnoyarsk in the 1820s: Microhistorical Analysis. *Bylye Gody*. 18(1): 149-158.

Kovalev, 2024 – Kovalev, A.S. (2024). Metodika kompleksnogo analiza istorii povsednevnoj zhizni naselenija [Methodology of complex analysis of the history of everyday life of the population]. *Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal*. 1: 255-270. [in Russian]

Kuznetsov, 2003 – Kuznetsov, N.A. (2003). Vojskovye chasti, kvartirovavshie v Kuz-necke v XVII-XIX vv. [Military units quartered in Kuznetsk in the XVII-XIX centuries]. *Kuzneckaja starina*. Novokuznetsk. Is. 5. Pp. 108-139. [in Russian]

Kuznetsov, 2018 – Kuznetsov, M.Yu. (2018). Vnutrennjaja strazha v Vostochnoj Sibiri v1816-1864 godah [Internal guards in Eastern Siberia in 1816-1864]. *Problemy social'no-jekonomicheskogo razvitija Sibiri*. 4(34): 156-162. [in Russian]

Orekhova, 2021 – Orekhova, E.A. (2021). Sostav Kol'skoj invalidnoj komandy nakanune i v period Krymskoj vojny (po materialam duhovnyh respisej Kol'skogo Voskresenskogo sobora 1850-1854 godov) [The composition of the Kola disabled team on the eve and during the Crimean War (based on the materials of the spiritual murals of the Kola Resurrection Cathedral of 1850-1854)]. *Rossija v vojnah: slava rossijskogo oruzhija v pamjati pokolenij*. Sterlitamak, pp. 178-185. [in Russian]

Orlov, 2010 – Orlov, I.B. (2010). Sovetskaja povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovlenija [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow. 316 p. [in Russian]

Orlov, 2012 – Orlov, I.B. (2012). «Chelovek istoricheskij» v sisteme gumanitarnogo znanija [“Historical man” in the system of humanitarian knowledge]. Moscow. 191 p. [in Russian]

Postnikov, Postnikova, 2022 – Postnikov, S.V., Postnikova, O.A. (2022). «Nikto bol'she prizrenija ne zasluzhivaet, kak boljashhej soldat». Social'noe obespechenie veteranov v Rossijskoj armii do 1917 goda [“No one deserves more charity than a sick soldier”. Social security of veterans in the Russian Army before 1917]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 8: 100-119. [in Russian]

Repina, Selunskaya, 2020 – Repina, L.P., Selunskaya, N.A. (2020). «Obshhie voprosy» i «chastnye otvety»: neprochitannye stranicy Dzhovanni Levi [“General questions” and “private answers”: unread pages by Giovanni Levi]. *Dialog so vremenem*. 7: 323-342. [in Russian]

Rosenberg, 2010 – Rosenberg, N.V. (2010) Strukturirovanie kul'tury povsednevnosti: metodologicheskie podhody [Structuring the culture of everyday life: methodological approaches]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*. 2(14): 50-57. [in Russian]

Shcherbinin, 2005 – Shcherbinin P.P. (2025) Osobennosti prizrenija voennyh invalidov i chlenov ih semej v Rossii v XVIII – nachale XX v. [Features of the care of military invalids and their family members in Russia in the XVIII – early XX century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Gumanitarnye nauki. 2: 222-233. [in Russian]

Shcherbinin, 2007 – Shcherbinin P.P. (2007) Osobennosti social'noj zashhity veteranov voennoj sluzhby v Rossijskoj imperii v XVIII - nachale XX v. [Features of social protection of veterans of military service in the Russian Empire in the XVIII - early XX centuries]. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 6-7. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/973> (date of access: 31.03.2024). [in Russian]

Shcherbinina, 2012 – Shcherbinina, Yu.V. (2012). Social'nye praktiki i prizrenie voennyh invalidov v rossijskoj imperii v XIX v. [Social practices and the vision of military invalids in the Russian Empire in the XIX century]. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*. 7-8 (41-42): 200-204. [in Russian]

Shcherbinina, Shcherbinin, 2011 – Shcherbinina, Yu.V., Shcherbinin, P.P. (2011). Social'no-jekonomicheskie posledstvija integracii voennyh invalidov v grazhdanskoe obshhestvo v XIX v. [Socio-economic consequences of the integration of military disabled people into civil society in the XIX century]. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*. 9(31): 186-189. [in Russian]

Tashpekova, 2019 – Tashpekova, A.T. (2019). Iz istorii Saratovskoj invalidnoj komandy [From the history of the Saratov disabled team]. *Pervyj komandir Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi Rossii – general ot infanterii E.F. Komarovskij (k 250-letiju so dnja rozhdenija E.F. Komarovskogo): sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj kon-ferencii*. St. Petersburg, pp. 67-71. [in Russian]

**Повседневность инвалидов команд и военных инвалидов в XIX в.
(на материалах Томской губернии)**

Александр Сергеевич Ковалев ^{a,*}, Николай Рзавич Новосельцев ^a,
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a,b,c}, Элла Владимировна Савина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора
В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики повседневной жизни военных инвалидов и членов инвалидных команд Томской губернии в XIX в. Авторами на основе комплексной методологии, включающей принципы историко-антропологического подхода, истории повседневности и микроистории, проанализированы особенности материального обеспечения военных инвалидов, среда обитания, устройство быта, специфика потребления, развитие личностных и социальных связей и коммуникации членов инвалидных команд, виды их занятости. Источниковую базу исследования составили ранее не публиковавшиеся архивные материалы Государственного архива Томской области.

По мнению авторов, в XIX в. в течение всего периода существования инвалидных команд государством и обществом был накоплен значительный опыт решения социальных проблем, с которыми сталкивались военные инвалиды. Успешно решались вопросы обеспечения служащих инвалидных команд: помощь в продовольственном снабжении, решение жилищного вопроса, предоставление посильной работы, денежные, в том числе пенсионные выплаты, предоставление места в богоугодном заведении и т.п. В то же время все эти меры были половинчатыми, часто незаконченными, не закрепленными в виде прав и гарантий за военными инвалидами. Государство инициировало многочисленные варианты социальной поддержки нетрудоспособных военнослужащих, но у него не было реальных механизмов контроля за их исполнением со стороны общественности.

Ключевые слова: военные инвалиды, инвалидные команды, история повседневности, Сибирь, социальная помощь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
squirrel-o@yandex.ru (Э.В. Савина)